

Научные экспедиции

ЭСТЕТИКА «СМЕРТНОЙ» ОДЕЖДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ГРЦРФ 2001–2005 ГГ. ВО ВЛАДИМИРСКУЮ ОБЛАСТЬ)

С.В. Просина

Погребальная обрядность, хорошо сохранившаяся во Владимирской области, представляет собой комплекс действий, помогающих человеку перейти из мира живых в мир мертвых. В этом комплексе в той или иной степени задействована вся деревенская община. Активные обрядовые действия начинаются с момента смерти человека и заканчиваются последней необходимой в поминальном цикле датой. На наш взгляд, точкой отсчета погребального обряда можно считать действия, направленные на подготовку человека к смерти. В народной традиции смерть не является концом пути. Наоборот, считая смерть лишь началом самого важного этапа своей жизни, человек старается основательно к ней подготовиться, приготовив для себя дом (гроб), в котором он будет там жить: «Гроб с разумом надо делать – постоянно хоромина. До Страшного Суда лежать – удобно чтоб было» [РНС; ЦРФ]. То же самое относится и к одежде («смертное»), которую он будет там носить.

Понятие «смертный узел» здесь бытовало всегда, под ним подразумевается набор необходимых вещей для покойного. Можно сказать, что «смертный узел» – величина постоянная, существующая вне зависимости от политических веяний и культурных изменений в обществе. В дореволюционный период деревенская погребальная одежда представляла собой набор некоторых предметов традиционного костюма, в данном регионе чаще всего для этого использовалась исподняя одежда (у мужчин: кальсоны и нательная рубаша, льняные портянки, лапти/сапоги¹, саван; у женщин: нательная рубаша, лапти, пояс, головной платок, саван, иногда венчальный костюм): «...А раньше хоронили, мертвые-те: мужик умирает, рубашки да кальсоны, в брюках не клали, в кальсонах. На ноги – ткани портянки, сами ткали, портянки обматывали, лапти льняными веревками, «ступни» ... это из лык лапти. Оне стоили 30 копеек, лапти» [ГЕГ; ЦРФ]; «...бабу сперва в рубахе клали...» [СВИ; ЦРФ]; «...Раньше-то туфли надевали, из лыка-то» [ГЕГ; ЦРФ]. Подобный набор предметов маркировал покойного, т.к. для живых перечисленные вещи не являлись одеждой, в которой можно выйти на улицу.

В советское время сложившейся системе народных представлений об обрядовом комплексе (куда входит и одежда) придавалась иная, порой чуждая традиционной, идеологическая окраска. Известно, что политический строй диктовал жесткий запрет на проведение каких бы то ни было церковных обрядов жизненного цикла, в том числе обрядов над покойником. Желаящие *соборовать* покойного делали это тайно. В противовес этому именно в этот период усиливается народное воспроизведение всех необходимых обрядовых дейст-

вий, разрушение церковного института почти не отразилось на обрядовой жизни деревни, которая продолжала существовать силами старого поколения. Соблюдение правильности погребального обряда (с народной точки зрения) контролируют бабушки-читалки, а «смертное» в этот период собирают из общедоступных, в основном покупных материалов.

С течением времени состав погребальной одежды менялся, в советское время он представлял собой набор предметов, идентичный костюму живого человека. Однако тогда, в отличие от сегодняшнего дня, в смертной одежде сохранялась необходимая условность за счет нарушения комплектации. Для женщины – это белье², платье, пояс, чулки/колготы/рейтузы³, обувь, головной платок, носовой платок. Для мужчины: белье⁴, сорочка, костюм, обувь, носовой платок. Так, обычная, будничная одежда со сменой ситуации (смертью) переходит в разряд обрядовой. Единственным маркером статуса «мертвого» в местной традиции остается саван⁵: «Саван ... когда человек умирал. Женский саван отличается от мужского. Женский – со сборками, мужской – наискосок. Саван не разрезают сзади. Он шел до конца, у него нет швов»; «... у молодых ... саван не надевают, а ложат на плечи» [БНИ; ЦРФ]; «Саван на живую нитку шьют» [ИТП; ЦРФ]; «Сзади <саван женский> разрезают, потому что когда будет переходить огненную реку, вот саван для чего и одевают, чтобы ей загородиться, она ей <половинкой> закроет лицо и перейдет. Разрезают, чтоб его легче поднять» [ЗКП; ЦРФ].

В постсоветский период мы наблюдаем возврат к церковным канонам похоронного обряда, однако смертная одежда в деревне выбирается под влиянием народных представлений об эстетике и этике этой одежды. Сегодня она продолжает существовать по сложившимся в советское время критериям⁶.

Эстетические предпочтения меняются с течением времени, что показывает такое явление, как мода. Постепенно трансформирующиеся экономические возможности приводят к полной замене материалов и предметов одежды, а также способов их комплектования. Все это накладывает отпечаток и на систему народных представлений о красоте одежды. Совсем иначе складывается отношение к обрядовым вещам. Здесь эстетические предпочтения диктуются сформировавшейся системой представлений о потустороннем мире и его обитателях и обрядовыми действиями, направленными на предотвращение опасных ситуаций для социума или индивида при соприкосновении мира живых с миром мертвых. Отсюда и консервативное отношение к ритуальным предметам и их использованию. Однако здесь скрывается некоторый парадокс: смертная одежда – ритуальная, т.е. она должна оставаться неизменной по всем своим признакам (перечень предметов, качество ткани, крой и т.д.), и в то же время можно увидеть, как при некоторой устойчивости комплектации «смертного» меняются фактуры материалов, манера кроя и шитья. Следовательно, смертная одежда является как бы продолжением или отражением одежды живых людей.

«Смертный узел» и все манипуляции, связанные с его собиранием, всегда подлежали строгой регламентации. Эта одежда должна быть сшита вручную особым способом (шьют, работая иглой от себя), на «живую» нитку, без

узлов. Причем изготовление такой одежды оговаривалось специальными временными условиями (напр., не шить в праздник и др.). Во Владимирской области «смертное» собирают индивидуально, однако мужской «смертный узел» чаще собирается женщиной, близкой ему по родству. В случае, когда «смертное» не было приготовлено заранее, уже после смерти все необходимое для покойного собирают родственники или деревенская община, что является вынужденной и поэтому нежелательной мерой: «Если у умершего ничего не было, надо было собрать кто что даст... Человек должен был приготовить «смертное» заранее» [БНИ; ЦРФ].

Народные представления о «жизни» человека в потустороннем мире сформировали определенные требования в выборе предметов «смертного». Собирая смертную одежду, предполагали «носить» ее. Поэтому в комплект одежды входил обычный набор предметов, характерных для своего времени. Иногда в «смертный узел» входит смена, например, второй головной платок у женщин, у мужчин – сорочка: «...у меня лежат два платочка на голову – один повяжут, а один положут с собой» [КВС; ЦРФ]. В местной традиции надевали одежду на лицо, как на живого человека, однако намеренно допускались некоторые условности. Одежда должна была быть новой, не ношеной, не глаженной, что подчеркивает статус «мертвого». Здесь не надевают и не кладут в гроб верхнюю одежду (даже если хоронят зимой), что говорит все же об условности ношения покойным одежды.

Одной из общепринятых эстетических характеристик для мужского и женского комплектов является новизна одежды: «Все новенькое одевали. И костюм новенький» [САИ; ЦРФ]. Если это требование выполнить невозможно, покойного обряжают в его ношеную одежду, предварительно «очистив» ее: «...(В старой нельзя было?) Вообще-то нет, но если и так, мало что, то ношеную одежду окропят святой водичкой и также обряжают. (То есть она тогда становится как бы новой, не ношеной?) Да» [СВИ; ЦРФ].

Немаловажной характеристикой для «ношения» подобной одежды в загробном мире является ее удобство. Нередко, учитывая именно это качество одежды, сохраняя общие каноны (например, соблюдение перечня определенных предметов), вносят необходимые индивидуальные коррективы: «...А вот тапки я себе такие купила – только сероватые. Может оно и не надо в валеных класть, а надо в коженных. А я говорю: «У меня ноги больные, пусть меня в них положат» [РАЯ; ЦРФ].

Особого предпочтения в материале, из которого шьется женское платье, нет⁷, однако шерсть стараются не использовать: «...вроде того, что будет жарко человеку очень, его будет припекать» [ТОГ; ЦРФ], а стараются подобрать легкую светлую ткань с мелким рисунком: «...Светленькое, потому что иначе смердом будешь на том свете» [БНИ; ЦРФ]; «Любой цвет ... не черный. (Почему?) Черт, говорят, черный цвет. Он долго не выгорит там, будет долго выгорать» [ТОГ; ЦРФ].

Выбирая материал для мужского костюма, предпочтение отдают смешанным тканям («чтобы костюм не мялся»), обычно средних тонов, однако, в

отличие от женского платья, мужской костюм может быть и черным – жестких ограничений на этот счет нет: «Ну, а мужчин, между прочим, в костюмах ... черных, только сорочка там» [ТОГ; ЦРФ]. Также удобством объясняется предпочтению обуви без каблука, но с пяткой. Такой обувью, как правило, являются тапочки (заметим, не белые): «С пяткой надо, все ж к Господу идешь, а не дома чай пить» [ТОГ; ЦРФ].

Женское «смертное» подлежит более тщательному отбору, например, понятие «прилично/неприлично» к женской одежде относится в большей степени, чем к мужской. Здесь необходимо сказать о понятиях «богато/красиво», «скромно/прилично/красиво», «вульгарно/неприлично/некрасиво». Эти составляющие в народном восприятии выстраиваются именно в такой последовательности. Соотношение «богато/красиво» отражается в праздничном народном костюме и воспринимается буквально. Богатство используемых материалов говорило о высоком социальном статусе человека; искусный декор одежды определял ее красоту; богатый красивый костюм непосредственно ассоциировался с человеком. Кроме того, «богатой» зачастую считается одежда более высокого социального класса. Она необычна, непривычна по своим эстетическим чертам и поэтому пользуется популярностью и становится желанной, модной.

«Скромно» – не «бедно», а скорее «сдержанно», что в первую очередь относится к цветовому соотношению в костюме⁸. Подобная сдержанность придает костюму некую торжественность. Характеристика «прилично/неприлично» формируется из нормативов и запретов, связанных с социальными, временными, функциональными параметрами одежды. Любые несоответствия, часто являясь нарушением запретов (одежда не по возрасту, неподобающей расцветки, нарушение комплектации; несоответствие социальному положению, несвоевременное ношение и т.д.), считаются неприличными, резко осуждаются, т.к. встают в оппозицию к общественному мнению.

Эти представления переходят и на погребальное платье. Крой платья должен быть очень простой. Как правило, это прямое платье средней длины, с вырезом под горло, длинными рукавами. Обязательным дополнением всегда является пояс «*подпоясени*» [ЖКВ; ЦРФ], а поверх него иногда одевается другой, сопровождаемый молитвой: «*Живые помощи" привязывают, как будто пояс*» [ИТП; ЦРФ]. На голову женщине повязывали платок, делая узел спереди под подбородком. Поверх платка на голову женщины накладывали саван из белого ситца, спуская спереди концы на грудь. Неприличным считается платье распашного кроя: «*...халат – это грешно*» [ГЕГ; ЦРФ]; слишком яркой расцветки: «*...Приличное какое, скромное. Сильно цветастое нельзя. Одна у нас тут, сестра у ней умерла, она схоронила ее в цветастом платье. Та ей снится и жалуется: «Купи мне скромненько платье, а то меня никуда не пускают, стыдно»*» [СВИ; ЦРФ]; с коротким рукавом. Светлый ситец со «скромненьким» рисунком наиболее близок к отбеленному льну, изначально используемому в качестве материала для погребальной одежды.

Смертная одежда, не являясь праздничной, все же приравнивается к одежде «по торжественному случаю» и, следовательно, должна быть красивой.

Для мужчин торжественной, приличной одеждой давно считается костюм и белая сорочка⁹ – тот тип городской одежды, носителю которой в деревне всегда присваивался статус культурности, образованности, а следовательно, красоты – этот тип одежды начинает использоваться в качестве похоронной. В отличие от живого человека, покойному обычно не повязывают галстук.

Самой распространенной одеждой «по торжественному случаю» у живых людей является свадебный костюмный комплекс. Будучи обрядовой одеждой по своему назначению, костюм жениха, но особенно одеяние невесты, всегда считается самым красивым нарядом¹⁰, с ним ассоциируются определенные жизненные перемены в жизни девушки. Здесь намечается интересная параллель между понятиями «свадьба/смерть», которая прослеживается у многих славянских народов. Выходя замуж, невеста уходит из родного дома навсегда, как бы «умирает» для своей семьи¹¹. Оплакивая свое девичество, невеста прощается с прежней жизнью и готовится к новому этапу. По построению фраз, образному ряду, эмоциональной насыщенности и строгой временной приуроченности плач невесты очень близок похоронному причитанию.

В погребальной обрядности параллель со свадьбой продолжается в представлениях женщины о похоронной одежде. Иногда в речевой практике «смертный узел» соотносится со свадебным приданым: «Смертное»? Наши бабушки его называют «придано», шутят» [СВИ; ЦРФ]. Погребальный белый покров часто сравнивается с фатой невесты. Наиболее частые ассоциативные связи обнаруживаются по поводу преобладающего белого цвета в наряде невесты и светлых тонов в женской похоронной одежде. Белый в свадебном костюме трактуется как цвет чистоты, невинности (ср.: белый агнец, белый голубь), но в то же время, до повсеместно распространившейся тенденции черного в статусе траурного цвета, именно белый во многих регионах являлся основным цветом траура¹². Белый цвет был основой «кручины одежды»¹³ в некоторых регионах, что лишней раз подчеркивает закономерность указанного выше соотношения «свадьба/смерть». Во Владимирской области умершую девушку хоронят в свадебном платье и фате (как невесту), говоря, таким образом, также об ее невинности и чистоте: «...она умерла, не зная греха» [СВИ; ЦРФ]; «На девушку одевали белое платье... одевали в саван, украшали цветами» [МЕИ; ЦРФ]; «...(А если умирала молодая девушка?) Обряжали в венчальное платье, все она в платье венчальное. (То есть, как невеста?) Как невеста» [ТОГ; ЦРФ]. Считая чистоту самым важным качеством души, даже замужние женщины до недавних пор предпочитали в качестве погребальной одежды подвенечный наряд (или какой-либо сохранившийся из него отдельный предмет): «...(Для чего бабушка берегла венчальный наряд?) Было ... Да так она уходила с этого света, нарядили в тот наряд венчальный, у ней были» (...или отдельный предмет хранили?) Да, да [ТОГ; ЦРФ]. «...а женщине шьют <саван> как фату, с оборочками» [ЗКП; ЦРФ].

При рассмотрении вопроса эстетики похоронной одежды нельзя игнорировать такой важный фактор, как индивидуальное чувство вкуса, которое порой приводит к неожиданным выводам. С одной стороны, мы имеем устоявшуюся

систему традиционных взглядов на принципы отбора при комплектовании погребального наряда, а с другой, внутри этого комплекта мы видим возможность бесконечных вариаций на тему материала, даже цвета: «... вот радугу на небе видела..., сколько полос всяких красивых – мне понравился такой мануфактур, я ... отрезала и сошила» [РАЯ; ЦРФ]. Часто женщина уподобляет себя царевне, барыне, что говорит о сложившемся типе «красоты» женского облика в целом, когда женщина предстает величавой, пышной, цветущей: «Я вот в пятьдесят лет коленкору купила, десять метров, потом гипюру два метра, потом розового атласа – хотела как **барыня** легчи. Я говорю: «Я лягу как **царевна** в это»; «...если **даму** – бабы несут...» [РАЯ; ЦРФ]. Приведенные примеры, в которых информант говорит о себе **царевна**, **барыня**, **дама**, ясно показывают, как традиционное для праздничного костюма сопоставление «богато/красиво» переносится на обрядовую одежду, а стремление к идеалу красоты выражается в особом отношении к внешнему облику покойного.

В «смертном узле» также готовят некоторые предметы, не имеющие отношения к одежде, но весьма необходимые покойнику. Обязательно кладут носовой платок: «Покойнику в кармашек клали носовой платок, говорили, что на небе пригодится» [ЖКВ; ЦРФ], крестик¹⁴ и иконку: «Иконочку надо небольшую, ну и крестик специально» [ИТП; ЦРФ]; «...иконку ей ... кладешь, Богородицу, а мужик – Николая Угодника» [ГЕГ; ЦРФ]; «Да и платочек кладут. И крестик, там такой черненький крестик... Когда лежит, иконку кладут маленькую. (Пока читают, кладут?) Пока отпевают» [ШЗС; ЦРФ]; рукописание¹⁵ – своеобразный «документ» покойного: «(Что такое рукописание?) Ну, батюшка в церкви дает. (Как паспорт?) Да, да, паспорт покойного. Документ на тот свет» [ШЗС; ЦРФ].

Помимо личных вещей, в «смертном узле» готовят принадлежности «постели» (гроба): ткань, которой устилают гроб изнутри, покров (коленкоровый¹⁶), наволочку на подушку. При этом представления о богатстве/красоте и личный вкус женщины также влияют на качество используемых материалов: «Подушку и наволочку я сошила из атласа...» [РАЯ; ЦРФ]. Раньше заготавливали холсты («навины»), на которых понесут гроб на кладбище. Традицией предусмотрено и дарение подарков (как правило, предметов текстиля) тем, кто «собирает покойника в дальнюю дорожку»¹⁷: «Даже кто обмывает – на платье. Кто обмыл, тому надо отдать. (Как второй узелок собираете?) Второй узелок» [ЦЛИ; ЦРФ]; «Кто платки, а кто подшалки дарит. Кто крест несет – дают, кто крышку несет – дают, ну и гроб. Всем дают. Вот гроб несут – шесть, шесть платков, вот сколько понесут венков – двое или трое... четверо – все равно дают... А так вообще штук двенадцать раздают» [РАЯ; ЦРФ]. Тем, кто обряжает тело, готовят полотенце, головной платок¹⁸; тем, кто будет отчитывать душу усопшего («читалкам»), – отрезки на платье; тем, кто роет могилу, – рубашки. Одаривали и первого встречного по дороге на кладбище: «...(А первую встречу давали?) Давали, это первая встреча – обязательно, на каждого покойника... Полотенце, обязательно давать полотенце. Если мужик, еще рубашку какую, а

женщина – платок, обязательно платок. Это было со стари веку принято» [ГЕГ; ЦРФ].

Таким образом, «смертный узел» во Владимирской области является ярким материальным выражением устоявшихся народных представлений о соприкосновении мира живых с миром мертвых, а также продолжает социализировать человека и после его смерти. Погребальная одежда, будучи отражением одежды живых людей, сохраняет все основные эстетические критерии одежды, и в то же время имеет черты, отличающие покойного от живых.

Обустройство гроба соотносится с обустройством дома¹⁹, а предполагаемая «жизнь» покойного требует наличия красивой одежды, при этом смерть рассматривается как некий торжественный и важный случай в человеческом существовании.

Сокращения

ЦРФ – Центр русского фольклора. Архивные материалы.

Указания на данные аудиокассет даны в Списке информантов в каждом конкретном случае.

Список информантов

РНС – Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г.р., д. Чулково, Гороховецкий район, записано в 2001 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-0003.

КВС – Караванова Вера Степановна, 1928 г.р., д. Михайловское, Гороховецкий район, записано в 2001 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1055.

ГЕГ – Горячева Елизавета Григорьевна, 1928 г.р., с. Быково, Гороховецкий район, записано в 2002 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1031-32.

ЦЛИ – Цветкова Лидия Ивановна, 1939 г.р., уроженка д. Зыково Гороховецкого района. д. Чулково, Гороховецкий район, записано в 2001 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1014-20.

РАЯ – Рыбакова Анисья Яковлевна, 1918 г.р., уроженка д. Паново Меленковского района (с 1941 г – с. Ковардицы). с. Ковардицы, Муромский район, записано в 2005 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1225-33.

ЗКП – Зеленкова Клавдия Петровна, 1923 г.р., уроженка д. Ротново, Талызинского района. п. Якиманская слобода, Муромский район, записано в 2005 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1227-06.

ТОГ – Тимохина Ольга Григорьевна, 1925 г.р., уроженка с. Булатниково. с. Булатниково, Муромский район, записано в 2005 г. Собиратели Просина С.В., Жукова О.В. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1333-042.

ИТП – Ивлева Тамара Петровна, 1928 г.р., уроженка д. Петраково, Муромского района. д. Петраково, Муромский район, записано в 2003 г. Собиратель Добровольская В.Е. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1074-10.

ЖКВ – Жихарева Клавдия Васильевна, 1919 г.р., уроженка с. Афанасово, Муромского района. с. Афанасово, Муромский район, записано в 2005 г. Собиратели Волкова Е.А., Наумова Т.С. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1332-350.

МЕИ – Михеева Елена Ивановна, 1926 г.р., уроженка д. Татарово, Муромского района. д. Шумилиха, Муромский район, записано в 2004 г. Собиратели Змеев И.В., Черных Н.В. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1217-273.

БНИ – Борисова Нина Ивановна, 1919 г.р., уроженка д. Малое Юрьево. д. Малое Юрьево, Муромский район, записано в 2004 г. Собиратели Добровольская В.Е., Просина С.В. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1142-26.

САИ – Сухова Анна Ивановна, 1930 г.р., уроженка г. Павлово, Нижегородской области. д. Петсенькино, Муромский район, записано в 2004 г. Собиратели Добровольская В.Е., Просина С.В. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1141-11.

СВИ – Сатинова Валентина Ивановна, 1939 г.р., уроженка д. Грибково Муромского района. д. Грибково, Муромский район, записано в 2004 г. Из рукописной тетради Просиной С.В.

ШЗС – Шметакова Зинаида Сергеевна, 1925 г.р., уроженка с. Раменское Московской области. с. Булатниково, Муромский район, записано в 2005 г. Собиратели Просина С.В., Жукова О.В. Архив ГРЦРФ: ЦРФ-Э-1333-197.

¹ Применение того или иного вида обуви зависело от возраста умершего: молодого мужчину хоронили в сапогах, старика – в лаптях.

² По сведениям информантов, в деревне покойника стали обряжать в белье с начала 1930-х гг. В составе женского белья были рубашка (комбинация), бюстгальтер, чулки, но панталоны исключались. На смену чулкам пришли капроновые колготы, а с ними в комплект добавились трусы.

³ Интересно, что здесь наблюдалась некоторая вариативность надевания: например, рейтузы могли быть надеты как аналог (замена) белья и чулок/колгот; могли быть надеты чулки при отсутствии белья. Единственное непреложное правило: нельзя хоронить покойницу с голыми ногами, это считалось неприличным, осуждалось общиной, сопровождалось репликами типа: «Хоронют как голытьбу какую», о женщине среднего возраста: «Что она у вас, гуляющая что ль, что это с голыми ногами-то?» и др.

⁴ На смену кальсонам и нательной рубашке пришли трусы и майка.

⁵ В местной традиции он является обязательным и для женщин, и для мужчин аксессуаром, имеющим гендерные отличия кроя и манеры надевания: женский саван больше напоминает чепец с оборкой и надевается на головной платок. Женщина, готовя себе смертное, шьет его сама, а мужчине саван шьют, как правило, после смерти. Саваном могут называть весь перечень текстильных предметов для покойного, включая и убранство гроба.

⁶ Несмотря на то, что сегодня модным явлением в деревне являются похороны с помощью ритуальных агентств, которые предоставляют готовые гробы с соответствующим текстильным обрамлением и наполнением (напр., подушка, покрывало), состав смертной одежды остался неизменным.

⁷ Сегодня свободно можно приобрести любую ткань.

⁸ Например, одежда девушки на выданье, но еще не просватанной, должна быть «скромненькой», хотя известно, что в этот период девушка надевает свои самые лучшие наряды, чтобы привлечь потенциального жениха. Учитывая ее переходный статус (уже не дитя, но еще не женщина), колорит ее одежды четко сбалансирован, в нем нет преобладания красного (как у молодухи, женщины) или темно-синего/черного (как у старухи).

⁹ В отличие от живого человека, покойному обычно не повязывают галстук.

¹⁰ На свадьбе часто можно услышать: «Какая красивая невеста! Невестами все красивые».

¹¹ Здесь можно вспомнить и смену фамилии, т.е. девушки со старой фамилией больше не существует.

¹² *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 256, 354–355; *Горожанина С.В., Зайцева Л.М.* Русский народный свадебный костюм. М., 2003. С. 56–57.

¹³ Одежда, в которой просватанная девушка оплакивала свое девичество.

¹⁴ Если нет нательного креста.

¹⁵ Сложенный наподобие паспорта и оформленный в виде книжки с обложкой листок бумаги, в котором написаны имя, фамилия усопшего раба божьего, иногда проставляется дата кончины. Помимо этого написана молитва за упокой.

¹⁶ Покров старались приобрести в церкви. Если это было невозможно, в качестве покрыва применялся отрез покупной белой ткани, причем, помимо указанного коленкора, большую популярность имели прозрачные материалы: тюль, иногда гипюр

¹⁷ Раньше обмывание, как и состав тех, кто понесет гроб с покойником на кладбище, регламентировалось по гендерному принципу. Сегодня покойных, в основном, обмывают женщины, а носят на кладбище мужчины.

¹⁸ Головные платки – основной предмет для одаривания женщин на протяжении всего погребально-обрядового комплекса.

¹⁹ Заметим, что изба живых также обильно украшается текстилем.